

УДК 811.161.1'28:392.91. ББК Ш141.12-025.7.
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

СЕВЕРНОРУССКИЕ ПРОЗВИЩА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ РЕЧЬ: СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Малькова Я. В.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

SPIN-код: 2391-6261

А н н о т а ц и я . Статья посвящена изучению севернорусских диалектных индивидуальных прозвищ, характеризующих речь человека. Из всего массива вербальных характеристик были выбраны такие, как излишняя разговорчивость, склонность к быстрой речи и, напротив, молчаливость, склонность к медленной речи. Материал для статьи составили диалектные прозвища Архангельской, Вологодской, Костромской областей, записанные Топонимической экспедицией Уральского университета. Цель исследования – выявление мотивации выбранных для анализа прозвищ; обзор групп лексики, ставших производными для названного фрагмента ономастического пространства говоров. В анализе автор опирается на методику семантико-мотивационной реконструкции и словообразовательный анализ. Анализ прозвищ показал, что наибольшее число онимов мотивированы словами со значением речевых действий (*Болт*, ср. *болтать*; *Рүпоса*, ср. *рүпосить* ‘быстро говорить, тараторить’), преимущественно звукоподражательными глаголами (*Бáля*, ср. *бáлякать* ‘разговаривать, болтать’; *Барабóха* от арх. *барабóшить* ‘бессвязно бормотать’). Важную роль сыграли и слова, передающие идею звуков, не обязательно связанных с речью человека: глаголы с различными «звуковыми» значениями (*Шумíлла*; *Лезгá*); «предметная» лексика (*Бóтало*; *Бúbен*); зоологическая лексика (*Ворóна*; *Сорóка*; *Карáсь*). Выявлены и другие мотивационные признаки: по «портретному» принципу создаются прозвища, внутренняя форма которых указывает на сопряженные с болтливостью / молчаливостью в народном сознании черты характера (*Еруня*, ср. диал. шир. распр. *эра* ‘непосед; озорник, озорница’; *Шíма* от костр. *шíма* ‘смирный, тихий, нелюдимый человек’, ‘нечистая сила, обитающая в доме’) или содержит прецедентные имена / образы (*Емéля*; *Гусáр*). В качестве производящей лексики могут выступать обозначения различных видов деятельности человека (*Замолóха*, ср. *молоть*; *Буды́рь*, ср. волог. *буды́рить* ‘делать что-либо с особой интенсивностью’). Встречаются среди выбранных для анализа прозвищ и некоторые предметные образы (*Пáхалка* от арх. *пахáлка* ‘веник, метла’; *Вертолёт*). Онимы, образованные от мифологической лексики, несут общеоценочную семантику (*Леша-чóнок*; *Бабáиха*, при притяжении к *бáять*).

К л ю ч е в ы е с л о в а : антропонимия; севернорусские говоры; индивидуальные прозвища; вербальные характеристики; мотивация

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Малькова, Я. В. Севернорусские прозвища, характеризующие речь: семантико-мотивационный аспект / Я. В. Малькова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 135–146.

NORTHERN RUSSIAN NICKNAMES CHARACTERIZING INDIVIDUAL PERSON'S SPEECH: SEMANTICO-MOTIVATIONAL ASPECT

Yana V. Malkova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3511-0878>

Abstract. This paper focuses on Northern Russian dialectal nicknames characterizing individual person's speech. Overtalkativeness, tendency to jabbering or, on the contrary, quietness and tendency to speaking slowly have been selected from the verbal characteristics pool. The factual study material in the paper includes dialectal nicknames from Arkhangelsk, Vologda, and Kostroma regions recorded by the Toponymic Expedition of the Ural

University. The study is aimed at identification of motivation for the nicknames selected for analysis; review of vocabulary groups that were derivative for the mentioned fragment of onomastic field of dialects. In her analysis, the author relies on the semantic and motivational reconstruction method and the word-building analysis. The analysis of nicknames showed that most of onyms are motivated by words denoting manner of speech (*Bolt*, compare to *boltat'* (babble); *Rúposa*, compare to *rúposit'* 'speak quickly, jabber'), mainly onomatopoeic verbs (*Bálya*, compare to *balyákat'* 'talk, babble'; *Barabókha* from *barabóshit'* 'mumble inconsistently' (Arkhangelsk region)). Words representing the idea of sounds not necessarily related to human speech have played an important role as well: verbs with various "sound" meanings (*Shumíla*; *Lezgá*), object vocabulary (*Bótal*; *Búben*); zoological vocabulary (*Voróna* (Crow); *Soróka* (Magpie); *Karás* (crucian carp)). Other motivational signs have also been identified: the "portrait" principle for nicknames creation is used, when the internal form of the nickname indicates character traits associated with talkativeness/quietness in the public mind (*Yerúnya*, compare to widely spread dialect *éna* 'restless person; mischievous person'; *Shíma* from *shíma* 'mild-tempered, quiet, unsociable person', 'evil spirits living in the house' (Kostroma region) or contains precedent names/images (*Yemélya*; *Gusár*). Names of various types of human activities may constitute the original vocabulary group from which nicknames are formed (*Zamolókha*, compare to *molot'* (grind); *Buzdýr*, compare to *buzdýrit'* 'to do something intensively' (Vologda region)). Object images also appear among the nicknames selected for analysis (*Pákhalka* from *pakhálka* 'broom, broomstick' (Arkhangelsk region); *Vertolet*). Onyms originating from mythological vocabulary have general evaluative meanings (*Leshachónok*; *Babáikha*, related to *bayat'*).

Key words: anthroponymy; Northern Russian dialects; individual nicknames; verbal characteristics; motivation

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant number 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>).

For citation: Malkova, Ya. V. (2023). Northern Russian Nicknames Characterizing Individual Person's Speech: Semantico-Motivational Aspect. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 3, pp. 135–146.

Введение

В настоящей статье внимание будет сосредоточено на изучении севернорусских индивидуальных прозвищ, содержащих представления о характеристиках речи их носителей, а именно об излишней разговорчивости и быстроте речи или, напротив, молчаливости и медленной речи.

Выбор именно этих параметров из всех возможных вербальных характеристик объясняется несколькими причинами. Во-первых, в русской народной традиции отмечается большое количество прозвищ, данных людям по названным признакам, что говорит об их когнитивной значимости. Во-вторых, признаки болтливости и высокой скорости речи зачастую сопрягаются в сознании диалектоносителей, ср., например, *Анюха-Таратёрка* (волог.): *Она быстро-быстро говорит, всё чего-то рассказывает, молча не ходит*¹.

Материалы для настоящей статьи были извлечены из полевых карточек Топонимической экспедиции Уральского университета [КСГРС; ЛКТЭ]. В настоящее время задача публикации полевых антропонимиче-

ских материалов кажется особенно важной, ведь словарей индивидуальных прозвищ относительно мало (см. например: [Боброва 2020; Кюршунова 2010]).

Наше внимание будет сосредоточено на выявлении внутренней формы собранных прозвищ, обнаружении главных мотивационных моделей, по которым создаются прозвища обозначенной группы. Основными методиками работы стали методика семантико-мотивационной реконструкции, словообразовательный анализ.

Исследователи уже неоднократно обращались к изучению русских диалектных прозвищ. Существует ряд статей, в которых обозреваются те или иные модели номинации. Например, исследовались прозвища, образованные от названий частей тела [Боброва 2018], наименований животных [Макарова, Попова 2020], тех или иных блюд [Осипова 2017] и т. д. Особенности номинации рассматриваются в диссертационных сочинениях: изучаются воронежские [Верховых 2008], смоленские [Денисова 2007], тамбовские [Шостка 2009], карельские (по материалам письменности XV–XVII вв.) [Кюршунова 2017] и другие факты. Однако, как представляется, современный севернорусский полевой материал пока не был масштабно исследован, и мы попытаемся

¹ Здесь и далее ономастические материалы из полевой карточки Топонимической экспедиции Уральского университета будут приводиться без паспортизации.

сделать шаг в этом направлении.

Прозвища, данные по признаку излишней разговорчивости и быстрой речи

Наибольшее число индивидуальных прозвищ болтливых людей мотивировано обозначениями **речевых действий**. В качестве примера можно привести прозвища, хранящие связь с общенародными лексемами, например *Болт* (волог.): *Болтал много, потому и Болт*; *Болтун* (костр.): *Болтун болтает много*; *Александра Говору́нья* (костр.); *Говору́ша* (арх.): *Болтун был*; *Говору́шка* (арх.); *Лопотан* (волог.): *Говорил много*.

Значительно количество прозвищ, образованных от диалектных основ со значением речевой деятельности, например *Рупоса* (арх.): *Рая Рупоса быстро так говорит, рупосит*, которое можно сопоставить с арх. *рүпоса* 'быстро говорящий человек', 'болтливый человек', *рүпосить* 'быстро говорить, тараторить', 'говорить, проглатывая слова' [КСГРС]. Близкое прозвище *Рупаса* (арх.) соотносится с арх. *рүпаса* 'человек, который очень быстро говорит' [КСГРС]. При этом наиболее близкие к рассматриваемым прозвищам глаголы, о которых пойдет речь далее, могут нести различную коммуникативную семантику. Например, прозвище *Туруса* (волог.): *Круто говорит, дак за это Турусой назвали* сопоставимо с *турусить* новосиб. 'говорить очень быстро и невнятно' [СРНГ 45: 282], волог. 'говорить во сне' [Диакторский: 514]. В данном случае, вероятно, сыграла особую роль сема невнятной речи. Для архангельского прозвища *Верещина* важно значение громкой речи, ср. разговорный... глагол *верещать*.

В целом наибольшее число мотивирующих глаголов с семантикой речевой деятельности имеют **звукоподражательное происхождение**, а на синхронном этапе обладают значительным экспрессивным компонентом. Все это затрудняет поиск непосредственно мотивирующего значения: в семантике лексем смешивается сразу несколько признаков речи. Например, архангельские прозвища *Ба́ля* и *Бали́я*: *Говорили Ба́ля, может, болтала много*; *Много и часто говорил* сопоставимы с глаголами *баля́кать* волог. 'разговаривать, болтать', арх. 'говорить быстро и неразборчиво' [СГРС 1: 55], арх. 'говорить, болтать' [АОС 1: 106], волог. *баля́йкать* 'невнятно говорить' [СГРС 1: 56], а также с существительным

баля́я 'слишком быстро и невнятно говорящий человек', 'болтливый человек, пустомеля' [СГРС 1: 42]. Как мы видим, в данном случае с семантикой излишней разговорчивости связаны значения быстрой, невнятной, а также «пустой», бессодержательной речи. В целом полагают, что *баля́кать* – результат вторичного, вероятно, экспрессивного, смягчения глагола *бала́кать*, обладающего звукоподражательным происхождением [Аникин РЭС 2: 162, 118]. Сюда же относится прозвище болтливой женщины *Боляга́* (арх.), ср. арх. *боляга́* 'болтливый человек', *боля́льё* 'болтливый человек' [СГРС 1: 116], арх. *болькотать* 'говорить непонятно' [Там же: 113]¹.

Часть из прозвищ, имеющих звукоподражательное происхождение, кажутся чуть более ясными, поскольку в диалектах фиксируются слова, которые выступают как мотивирующие по отношению к ним. Например, архангельское *Барабо́ха*: *Говорил много да часто, вот Барабо́ха и прозвали*; *Быстро говорит, дак барабо́ха*. *Вон племянница приехала Барабо́ха* сопоставляется с существительным арх. *барабо́ха* 'болтун, болтунья' [СГРС 1: 59], а также с глаголом арх. *барабо́шить* 'бессвязно бормотать' [Там же]. О звукоподражательном происхождении последнего говорит А. Е. Аникин, возводя этот глагол к прасл. **bъrbositi* / **bъrbositi* 'говорить неразборчиво, болтать' [Аникин РЭС 2: 191].

Однако для большинства прозвищ прямые семантические связи усмотреть затруднительно. Возможно, с рассмотренным выше глаголом связано прозвище *Барамо́ха* (волог.): *Болтушка поговорит и посове́т ещё*, реализующее близкий звукокомплекс с сочетанием звуков *-б-, -р-* и губным *-м-*. Как видится, это прозвище можно сопоставить с глаголом *барамо́шить* влад. 'бормотать, лепетать', новг. 'шуметь' [СРНГ 2: 103], а также, если учесть чуть более далекие связи, с тобол., влад., новг. *барамо́шить* 'приводить в беспорядок', 'мешать, препятствовать' [СРНГ 2: 103]. А. Е. Аникин, рассматривая два последних значения, предполагает, что

¹ Экспрессивная «диффузная» семантика звукоподражательной лексики, значимость целого ряда признаков для формирования прозвища и/или невозможность выделения одного непосредственно мотивирующего значения заставляют нас обращаться к формальному критерию в классификации.

перед нами вариант глагола *баламóшить*, однако отвергает связь с *бармошítь*, *бармить* 'бормотать', которые также имеют звукоподражательное происхождение [Аникин РЭС 2: 195, 227]. В то же время кажется, что приведенные «речевые» значения позволяют эту связь предполагать.

К глаголу *бармить*, по-видимому, восходит и прозвище *Прóня Барма́* (волог.): *Этот тот, который говорил много*, ср. волог. *барми́ть* 'невнятно бормотать, бурчать' [СГРС 1: 50], а также *барма́* волог. 'болтун, болтунья', 'косноязычный, быстро и невнятно говорящий человек', арх., волог. 'бранное слово' [СГРС 1: 50]. Тот же корень имеет глагол *бормотать* [Аникин РЭС 4: 76], выступающий в качестве исходного для прозвищ (*Пету́шенька*) *Бормо́та́* (костр.): *Он все говорил, говорил, говорил. Вот и прозвали его Бормо́та́; Бормо́ту́ха да Верту́ха* (арх.): *Бормо́туха да Верту́ха, она конюх была, а лошадь была её высокая, Верту́хой звали, Бормо́туха быстро говорила; Прóня Бо́рма* (волог.): *Он говорил очень быстро*.

Близкий звукокомплекс, *-бал-*, соединяющий в себе губные и плавные и передающий идею речи, реализуется в прозвище *Баля́ба* (волог.): *Баля́ба – наверно, лепетун был какой-то* и связанном с ним *Баля́йка* (арх.): *Дано женщине за болтливость*. Они соотносятся с архангельским глаголом *баля́бать* 'говорить невнятно' [СГРС 1: 42]. Звукоподражательное происхождение для последней лексемы предполагает А. Е. Аникин, усматривая контаминацию глаголов *балаба́ть* 'болтать' и уже рассматривавшегося в настоящей статье *баля́кать* [Аникин РЭС 2: 162].

Звукокомплекс, также включающий губные, находит отражение в прозвище *Боботу́н* (арх.): *Алексей был Артемьич, быстро говорил так, иные слова непонятно*, ср. арх. *бобота́ть* 'говорить быстро и невнятно': *Ну, боботун опять бобочет, не можно понять, так уж быстро говорит*, арх. *боботу́н* 'невнятно говорящий человек' [СГРС 1: 123]. Приводимый глагол возводится к праславянскому звукоподражательному **bobotati*, **bobotŕ* [Аникин РЭС 3: 286].

Перейдем к рассмотрению онимов, для которых имеет значение звукокомплекс *-ля-*. Так, прозвище *Лясник* (волог.): *Лясы хорошо умел точить, сидет и болтает; Лясник – мужик там прозывался, любил полясничать с бабами* можно сравнивать с арх. *ля́сник* 'болтун, пустомеля': *Лясница, лясник*

ли, языком болтает, неправду говорит, лебезун; ля́сничать волог. 'разговаривать, болтать' [СГРС 7: 215], 'сплетничать' [СВГ 4: 65]. А. Е. Аникин, анализируя диал. шир. распр. *лясы* мн. 'болтовня, пустые разговоры', предположил, что оно происходит от межд. *ля* (ср. *ляля́кать* и под.) + пейор. суфф. *-(а)с-* [Аникин РЭС 2: 164]. Обратим внимание на то, что прозвище *Лясник* в народном сознании может сближаться с лексикой корня *-лязг-* (см. о нем ниже), ср. контекст в духе этимологической тавтологии: *Ну и лязгун этот Лясник* (волог.). Связью с названными словами обладает, по-видимому, и прозвище *Са́шка Баля́са* (волог.): *Много говорил, которое можно связать с арх. баля́сать* 'разговаривать, болтать': *Балясит сидит, боле ничего. Ничего не робит, балясит сидит* [СГРС 1: 56]. В этом утверждении мы опираемся на мнение А. Е. Аникина, который, анализируя *балясы* мн. 'шутки, веселые рассказы', *точить балясы* 'шутить, смеяться' и др., предположил, что эти слова неотделимы от слова *лясы*, рассмотренного выше. С другой стороны, нельзя не отметить в данном случае сочетание звуков *-бал-*, часто передающее идею речи (см. выше).

Следующая группа прозвищ содержит в своем составе звукокомплекс с сочетанием согласных *-т-* и *-р-*. В первую очередь это группа слов, связанных с разг. *таратори́ть*¹: *Анюха-Тарато́рка* (волог.): *Она быстро-быстро говорит, всё чего-то рассказывает, молча не ходит; Тарато́рка* (арх., волог.): *Говорил «ту-ту-ту» – не поймёшь; Тарато́рович* (арх.): *Бабушка была у его Таратора, так он Тараторович да Тараторохин*. Сюда же, вероятно, архангельское прозвище *Торото́лка*: *Шибко болтливой был Федька, ёго Торотолкой и прозвали, вологодское (Колько) Торо́чка: Круто говорит, торотора*, ср. яросл. *торото́ра* 'говорливый человек' [СРНГ 44: 286].

Близкие по фонетическому наполнению слова – общенар. *тарабарский*, *тарабарщина*; *тараба́рить* волог., курск., брян. 'говорить, беседовать', волог., курск., влад., перм. 'говорить быстро, без умолку, тараторить', волог., курск., пск., твер., костр. 'болтать, шутить' [СРНГ 43: 270] – дают им-

¹ Разг. *таратори́ть* возводят к **tor-torit* с удвоением корня **tor-*, ср. славянские соответствия блр. *тара́торыць*, словен. *trtráti*, чеш. *trátořiti* [ТСЛРЯ 2007: 971].

пульс для возникновения вологодского прозвища говорливой женщины *Тарабáра*.

Звукокомплекс *-тар-* реализуется также в архангельском прозвище *Тарары́н*: *Тарары́н болтливый был поди*, ср. также значения *тарара́* без указ. места 'пустая болтовня', пск. 'о человеке, который невнятно, быстро говорит', новг. 'о человеке, который любит поговорить' [СРНГ 43: 279]. Сочетание звуков *-тр-* несет семантику болтливости и быстрой речи в прозвищах *Тры́ка* (костр.): *Вот у нас баушка была, она болтливая малость, её звали Тры́ка. Она: «Тртртр». Или Трещо́тка называли ещё; Нинка-Тры́нка* (костр.): *Нинка-Тры́нка всё болтала и хвастала – вот прозвище и получила; Тры́нкалка* (костр.): *Есть у нас Тры́нкалка, все болтает и болтает*.

Следующая тематическая группа лексик, выступающая как производящая по отношению к прозвищам болтливых и быстро говорящих людей, – это наименования **органов речи**. Здесь ожидаемо возникает образ рта, ср. вологодское прозвище говорливой женщины *Рóтик*. Облик постоянно разговаривающего человека рисует и архангельское *Щеколóмка*.

Значительное число прозвищ болтливых и быстро говорящих людей образовано от **наименований звуков, которые непосредственно не связаны с человеческой речью**. В первую очередь это обозначения различного шума, стука и других неприятных громких звуков. В пример приведем следующие прозвища: *(Коля) Бря́лка* (арх.): *Очень много говорит*, сопоставимое с общенародным глаголом *брякать*; *Хло́палка* (арх.), ср. общенар. *хлопать*; *Шуми́ла* (костр.), ср. общенар. *шуметь*; *Лезга́* (волог.): *Он болтал много, вот Лезгой и прозвали*, ср. общенар. *лязг*¹. К этой же группе можно, как кажется, отнести прозвище *Гогонуха* (волог.): *Гогонуха – выпивать любит, дак говорит много*, которое связано с волог. *гогать* 'шуметь': *Она гогает, а я слушаю пивно, мешает* [СВГ 1: 115]. Сходный звукокомплекс реализуется в прозвище *Горгóн* (арх.): *Горгон – прозвище у мужика было. Кто много говорит, называли горгон или горготуха*. Отметим, однако, при этом, что последнее

возможно сопоставлять также с волог. *горготать* 'ржать (о лошади)': *Лошадь горгощет* [СГРС 3: 103], то есть предполагать зоологическую метафору².

Ряд прозвищ образован от наименований **предметов, которые способны издавать различные звуки**. Во-первых, следует сказать о предметах, используемых в **бытовой деятельности**. Так, костромское прозвище *Бóтало*, вероятно, происходит от наименования жестяного колокольчика, который надевали на коров, чтобы они не могли потеряться. Этот же мотив в более явном виде реализуется в архангельском прозвище *(Манька) Корóвье Бóтало*. Так, с одной стороны, в мотивационном отношении следует учесть признак громкого постоянного звука, издаваемого этим предметом. С другой стороны, возможно, имеет значение внешний вид колокольчика, у которого видна ударная часть в виде металлического стержня – язычок, ср. контекст: *Была ещё Бóтало – ... языком ботал*³ много.

Сходный мотив реализуется в прозвищах *(Миня) Шаркунóк* (арх.): *Болтал много, не переставал языком-то трясти*; *(Ваня) Шару́н* (волог.): *У нас есть Ваня Шару́н. Болтун, кричит, как незнамо кто. Шарунок под дугой гремит. Так же и наш Ваня*. В основе этих прозвищ – архангельское и вологодское слово *шаркун*, т. е. колокольчик в лошадиной сбруе [КСГРС]⁴.

Наименование еще одного используемого в быту предмета – пастушьего барабана – по-видимому, положено в основу костромского прозвища *(Стёпа) Бараба́н*. Подобно предметам, наименования которых были рассмотрены выше, у пастушьего барабана существовала сигнальная функ-

² Сюда же может быть отнесено прозвище *Базáлко* (арх.): *Высокий был, хам, много говорил*, ср. *базáнить* волог. 'громко разговаривать; орать': *Соседки как начнут базанить, так слушать противно*, волог. 'говорить много и попусту', арх. 'мычать' [СГРС 1: 42]. Последнее сопоставимо с том. *бузяться* 'реветь, мычать (о быке)', пск., твер. *бузáнить* 'ударять, бить', вят. *бызеть* 'плакать, капризничать' [Аникин 2: 72–73].

³ Костр. *бóтать* 'ударять, издавая звук': *Ботунец* [колокольчик] на коров надевают. Мы застали – один большущий такой, а другой поменьше – на телёнка. Там на ремешок наденут гайку – ходит бóтает, звонит как [ЛКТЭ].

⁴ Близкие прозвища: *Звонóк* (арх.): *Звонок – быстро больно говорил*; *Кóлокол Осино́вый* (волог.): *Она у нас поговорить любила, вот и звали Колоколом Осиновым*.

¹ Ср. также волог. *лезга́* 'слишком говорливый, болтливый человек, пустослов', 'ворчун' [СГРС 7: 61], волог. *лезжа́ть* 'много говорить, болтать, пустословить', 'ругаться, ворчать' [Там же].

ция; признак его громкого и длительного звучания ложится в основу прозвищ болтливых людей, ср. контекст *Всё говорил-говорил. Вот и Стёпа Барабан*. Возможно, с представлениями о том же предмете крестьянского быта связано прозвище (Манька) *Бараба́н* (волог.), однако более «современный» контекст (*По соседству жили Манька Барабан и Манька Граммфон. Одна быстро говорила, другая громко*) позволяет рассматривать это прозвище также в контексте онимов, мотивированных наименованиями музыкальных инструментов.

Приведенное выше замечание логично выводит нас на следующую группу мотивирующих слов – обозначения различных **музыкальных инструментов**. Здесь ключевыми признаками, играющими роль для создания образа болтливой или громко говорящего человека, становятся признаки громкого и постоянного звука, который издают музыкальные инструменты. В качестве мотивирующих могут выступать наименования бубна (*Бубен* (волог.): *Болтун такой был*), балалайки (*Балала́йка* (волог.): *Я и сама себя балалайкой зову, не могу молчать совсем*; *Антон-Балала́йка* (костр.): *Прозвище получено за болтливость, словоохотливость*; *Антон-Балала́йка, много говорил*; (*Райка*) *Балала́йка* (арх.): *Она очень говоркая была*), трещотки (*Тре́щотка* (костр.): *Вот у нас баушка была, она болтливая малость, её звали Трёйка. Она: «Тртртр». Или Тре́щотка называли ещё; Трёщелка* (арх.)), баяна (*Бая́н* (волог.): *Одну бабу, что много болтает, Баяном прозвали, про всех всё знала*), гитары (*Иван*) *Гитара* (костр.): *Он много балала́ил языком*).

Более новыми представляются прозвища, образованные от наименований **средств теле- и радиовещания**: *Окси́нька Вещáнка* (арх.): *Вещает как радио, за то и прозвали*; *Ра́дио* (арх.): *Говоркая она*; *Ра́диво* (арх.): *Болтуха така*; (*Вася*) *Радио́ла* (арх.): *Все время говорит, руками машет, не выключить*; (*Паша*) *Телев́изор* (волог.): *Беспрестанки говорит, непрошловатой¹, немножко не все дома*.

Мотивирующими для прозвищ болтливых людей становятся обозначения **животных и птиц**. Подобный перенос, очевидно, объясняется представлениями об их особо громком, неприятном, надоедливом

голосе. Например, если говорить о птицах, то сопоставление происходит с карканьем ворон, ср. прозвище *Воро́на* (арх.): *Девушка с нездравым разумом, ходит по улице кричит, тараторит без умолку*; *Ворона, болтлива дак*. Во внутренней форме большего числа прозвищ громкая и быстрая речь человека сравнивается со стрекотом сорок: *Соро́ка* (волог., костр., арх.): *Болтливая больно*; *Вот одна руководила нами. Такая бойкая была да болтливая, вот и звали Соро́ка*; *Бойка, речиста*; *Трепливый мужик Иван был*; *Больно быстро говорит*; (*Верка*) *Соро́ка* (арх.): *Очень говорить любит, стрекотуха такая*. Важным мотивационным признаком становится непрерывность, надоедливость звука, ср. контекст: *Был у нас в деревне мужик, Сорокой звали. Сорокает, сорокает – спасу нет. Ну болтает много* (волог.). К этой же группе относится прозвище болтливой человека *Овёчка* (костр.): *Овечка – это за язык, болтать много любит*, возникновение которого, вероятно, обусловлено представлением о громком, неприятном блеянии овец.

Итак, на этом завершается рассмотрение различных речевых и звуковых характеристик, которые становятся исходными для создания прозвищ болтливых и быстро говорящих людей. Перейдем к обзору других групп лексики, сыгравших роль в образовании исследуемого участка ономастического пространства.

В первую очередь нужно сказать, что болтливость, склонность к излишне громкой речи может связываться в народном сознании с другими **свойствами человека по его характеру**. В частности, склонность к быстрой речи сопрягается с бойкостью и активностью человека. Например, архангельское прозвище человека *Еру́ня* можно сопоставить с таким словом, как *эра* оренб., курск., пенз., смол., твер., нижегор., волог. 'живой, бойкий человек', нижегор., олон., онеж., самар., краснояр. 'непосед; озорник, озорница': *Эта девка на целом месте дыру провертит, вот-то беда-то, какая эра уродилась* (Онеж) [СРНГ 8: 363]. Те же семы скорости, подвижности играют, по-видимому, роль для возникновения прозвища *Баламу́т* (костр.): *Этот говорит, тоже рот не затыкает. Его Баламу́том и прозвали*.

Неоднозначным в плане мотивации представляется костромское прозвище *Бесо́гн*: *У нас женщина была. Она бойкая та-*

¹ Волог. *непробиловатый* 'несообразительный' [КСГРС].

кая и на работу, и на разговор – ей прозвище дали *Бесогон*. Кажется, не вызывает сомнений, что непосредственно мотивирующим апеллятивом для этого прозвища стала костромская лексема *бесогон* со значением ‘о бойком человеке’, ср. контексты: *Ой, вот и бегаёт, как бесогон, всё везде узнаёт да вытывает; Хабазá да бесогон – они относятся к такой бойкой женщине* [ЛКТЭ]. Однако прозрачная внутренняя форма, считывающийся любым носителем языка корень *-бес-* наталкивают на мысль об актуализации общеоценочного потенциала этого корня. Таким образом, можно говорить о том, что для формирования прозвища, вероятно, сыграли роль отрицательные коннотации корня, так как к пустым беседам, бесполезным разговорам в традиционной культуре существует негативное отношение. (О негативных коннотациях «мифологической» лексики в связи с прозвищами болтливых и быстро говорящих людей см. ниже.)

Наконец, негативная оценка болтливости, пустословия служит мотивационным импульсом для создания прозвища *Шабалá* (волог.): *Болтает-болтает – вот Шабалóй и прозвали*, которое можно соотнести с бранными употреблениями волог. *шабалá* ‘о человеке глупом’: *У тебя не голова, а шабалá: худо соображает совсем; ‘бестолковая голова’: Ой ты шабалá! Ничего не понимаешь* [КСГРС].

В качестве производящей лексики могут выступать обозначения **различных видов деятельности человека**. Так, например, реализуется производственная метафора речевой деятельности, о которой подробно писала Е. Л. Березович (см. подробнее в [Березович 2014: 307–323]). Другими словами, говорение может метафорически сопоставляться с теми или иными **видами ремесленной деятельности**, например плетением, ткачеством, строительством, земледелием, приготовлением пищи, обмолотом зерна, гончарным делом и пр. [Там же: 307–308]. Так, архангельское прозвище *Замолóха*: *Замолóха и есь, всё болтат* непосредственными мотивационными отношениями связано с арх. *замолóха* ‘врун, болтливый человек’: *Замолоха ты, мелешь, не знаешь чего; Я така замолоха, всё мелю чего-нибудь, вот и замолоха* [СГРС 4: 132]. В этих словах выделяется ко-

рень *-мол*¹, ср. общенар. *молоть*. В данном случае реализуется известная в языке метафора *молоть языком* ‘много и быстро говорить’, которая далее ведет к ситуации помола зерна. Еще одно прозвище, которое в мотивационном отношении отсылает к «ремесленному» труду, – это костромское прозвище *Трепакóв*, ср. прост. *трепать языком* ‘болтать, пустословить’, далее связанное с языковым отражением ситуации трепания льна. При этом, как отмечает Е. Л. Березович, болтовня соотносится «с работами, предполагающими множество однотипных движений по созданию однородного, быстро увеличивающегося в объеме или количестве продукта: обмолот, горожение изгороди, плетение и прядение, трепание и чесание льна и др.» [Березович 2014: 319–320, 322], ср. также прозвище *Крошáнка* (арх.): *Больно часто говорил* от общенародного глагола *крошить*.

В качестве производящей выступает целая группа глаголов со значением **неспециализированной деятельности человека**. Это экспрессивные слова, у которых присутствует коннотация интенсивности, коррелирующая с семантикой чрезмерной разговорчивости и излишней скорости речи. Например, костромское прозвище болтливового человека *Будзырь* связано с костр. *будзырять* ‘болтать, мешать что-л. жидкое’ [ЛКТЭ], волог. *будзырить* ‘делать что-либо с особой интенсивностью’ [СГРС 1: 204]. Прозвища (*Коля*) *Лёпа* (костр.), *Лёпа* (костр.) соотносятся с костромским глаголом *лэпать* ‘говорить, болтать’ [ЛКТЭ]; далее, вероятно, следует искать связи с семантикой удара по чему-л., ср. костр. *налэпать* ‘налепить (о пирогах)’ [ЛКТЭ], а также смол., кубан. *лэп* междом. ‘употребляется для обозначения удара по чему-либо мягкому или упругому’ [СРНГ 16: 358]². Наконец, еще одно прозвище, образованное, по-видимому, от глагола-интенсива *поливать*, – это архангельское *Поли́ва*: *Гово-*

¹ Ср. также вариант с чередованием: волог. *замéля* ‘врун, болтливый человек’: *Ну, ты, замеля, – врёт, значит; Дело не дело говорит, всё время мелет, замеля экий* [СГРС 4: 129].

² Идея скорости воплощается напрямую и в некоторых других прозвищах. Так, например, архангельское прозвище *Чаши́я*: *Уж заговорит дак часто-часто, и не остановишь* связано с глаголом *часть*. Другой пример – это костромское *Торопы́жка*: *Говорит часто, даже непонятно, вот и Торопы́жской назвали* от глагола *торопиться*.

рит много, как поливает.

Обратимся к группе прозвищ, мотивирующими для которых выступили наименования различных **предметов**. В качестве примера можно привести Помелó (арх., волог.): *Любит болтать, язык без костей; Болтал много; Дарья-Помело, болтлива очень*, ср. карел., омск., кемер., читин. помелó 'метла, веник' [СРНГ 29: 203]. Сюда же относится архангельское прозвище болтливового человека Пáхалка от арх. пахáлка 'веник, метла' [СРНГ 25: 285–286] и архангельское Метлá. По-видимому, в данном случае мотивационно значимым признаком стало в первую очередь то, что веником сметается сор, в то время как пустая болтовня воспринимается как нерациональная трата времени и негативно оценивается в социуме, ср. контекст *Мишка Пахалка был, язык как помело, всем про всё скажет, вот Пахалкой и прозвали*. В этом случае можно провести параллель с прозвищем Мúля (волог.): *Мúля болтушка така, всё мулит да мулит, пустой разговор*. Напрямую оно соотносится с волог. мулѣть 'говорить пустое, вздор': *Мулѣть ещё значит не дело говорить* [КСГРС], однако следует обратить внимание на то, что этот глагол со значением речевого действия происходит, вероятно, от волог. мулѣть 'крутить, взбалтывать, мутить воду' [КСГРС]¹. Подобное направление развития значения указывает на представление о болтовне как пустом, бесполезном, осуждаемом времяпрепровождении. Если возвращаться к прозвищам Пáхалка и Метлá, то для них также значим признак быстрого движения, ср. контекст *Она везде как тараторка, не придёт, а прилетит, и начнёт языком молотить*.

В прозвище Вертолёт (арх.): *Вертолёт был, говорил быстро* также мотивационно значимым оказывается признак быстрого движения лопастей вертолета; кроме того, возможно, актуализируется признак шума, издаваемого вертолетом. Тот же набор признаков важен для прозвищ Пулемёт (арх., волог.): *Он говорит очень быстро, как строчит из пулемёта; Прозван за манеру быстро говорить, сглатывая окончания; Много*

говорит – пулемёт хороший; Анка Пулемётчица (волог.): Маньку звали Анка Пулемётчица, тараторила быстро.

Единственный **природный** образ, как кажется, реализуется в костромском прозвище (Шура) Стрёлка: *Она потому что много говорила, бойкая была, которое, вероятно, соотносится с костр. стрёлка 'болтливая женщина': Собируются в магазине и все про всех знают, болтают, мы их стрелками называли* [ЛКТЭ], а далее с костр. стрела, стрёлка 'молния' [Там же]. По-видимому, в данном случае важны представления о стремительности молнии.

Отдельная группа образована онимами, для которых в качестве мотивирующих выступают **прецедентные имена и яркие для народной культуры образы**. Например, прозвище Емёля (костром.): *Ну, пришёл Емеля – пойдет разговор. Дано из-за его болтливости, по-видимому, мотивировано представлениями о лени и праздном времяпрепровождении героя сказки*. Пустая болтовня воспринимается народным сознанием именно в таком ключе. Кроме того, возможно, сработало притяжение к глаголу *молоть* (*молоть языком*), ср. уже приводившееся прозвище Замолóха (арх.) ← арх. замолóха 'врун, болтливый человек' [СГРС 4: 132], далее, вероятно, от глагола *молоть*.

Прозвище болтливового человека Гусáр (костром.): *Гусар говорил да пел много, по-видимому, связано с представлением об их безрассудном нраве, беспечном образе жизни. Прецедентный характер носит вологодское прозвище Деревёнский Прокурóр: Всё знает и всё время говорит и говорит*. К образу лица пропаганды Второй мировой войны, по-видимому, отсылает вологодское прозвище Гёбельс.

Вологодское прозвище быстро говорящего человека Китаец, очевидно, возникает, поскольку быстрая речь воспринимается как неясная, «иностранный», ср. контекст *Заговорит скоро, частит, не разберёшь, Китайцем прозвали, стали говорить: «Ну, пошли, ребята, в Китай»*.

Наконец, несколько онимов образованы от наименований **мифологических персонажей**. По-видимому, такие прозвища несут общеотрицательную семантику. В пример можно привести вологодское прозвище Лешачóнок: *Там есть мужик, Лешачóнок, наговорит, наговорит много*. Прозвище же Ба-

¹ На именно такое направление развития значения указывает этимология лексемы. Авторы «Этимологического словаря славянских языков» возводят рус. диал. мулѣть 'мутить жидкость, болтать' к *mulъ/*mulъ, ср. рус. диал. муль 'мут', мутная вода' [ЭССЯ 20: 181].

ба́йха (арх.), вероятно, возникает в результате притяжения к глаголу *баять*.

Прозвища, данные по признаку молчаливости и медленной речи

Противоположными по отношению к выше рассмотренным являются признаки молчаливости, неразговорчивости и медленной речи. Следует отметить, что прозвища, данные по этим характеристикам, присутствуют в пространстве говоров в значительно меньшем количестве.

Если для прозвищ болтливых и чрезмерно быстро говорящих людей продуктивностью в качестве производящих обладали глаголы со значением речевой деятельности, то здесь подобная модель отсутствует. Во внутренней форме прозвищ, напротив, фиксируются отсутствие речи у человека, ср., например, *Молча́н* (арх.): *Слова от него не дожде́шься*; (*Нина*) *Тихая* (костр.): *Нина Тихая всё хорошо делала, но больно тихо*.

К этой же группе прозвищ, которые в своей основе имеют лексику, указывающую на молчаливость, «немоту» человека, относится архангельское прозвище *Ку́йм*: *Плохо говорил, всё больше молчал, вот и прозвали его Куимом. Крепко к нему прилепилась кличка, которое можно соотнести с арх., волог. ку́йм 'человек с дефектами речи, который плохо, невнятно говорит', 'молчун, неразговорчивый человек' [СГРС 6: 228].* Вопроса об этимологии прозвища касается в своей статье Е. Л. Березович, которая отвергает версию о его коми заимствовании и соотносит с приведенным апеллятивом в «немотном» значении [Березович 2022: 190–191]. *Куим* же с семантикой 'немой', 'плохо говорящий' со ссылкой на О. Н. Трубачева [ЭССЯ 13: 86] возводится к корню глагола **ʃьтə*, **ʃetī* с экспрессивной пейоративной приставкой **ki-* [Там же].

К этой же группе прозвищ можно отнести костромское прозвище *Ми́ша-Тю́ба*: *У нас Ми́ша-Тю́ба был, работный человек, только молчит*, которое связано с костр. *тjúба* 'неразговорчивый человек': *Тю́ба – плохо разговаривает. Неохотно разговаривает, неразговорчивый* [ЛКТЭ].

Наконец, следует отметить прозвище (*Надя*) *Шíма* (костр.): *На хуторе живёт женщина, её все зовут Надя Шима, потому что она такая тихонькая, вреденькая*. С одной стороны, оно надежно связывается с костромским словом *шíма* в значении 'смирный, тихий,

нелюдимый человек': *Шíма такая неразговорчивая, необрядная¹, ни с кем не говорит ничего, – хоть женщина, хоть мужчина*, а также 'женщина, которая может навредить «потихому», исподтишка': *Шíма – человек молчит, а своё делает, ба́ять не набáет, а отомстит, всё сделает чего ей надо*. Она всё *на́покость²* человеку *делает* [ЛКТЭ]. С другой стороны, возможно, что в прозвище также реализуется общеоценочный потенциал «мифологической» лексики, ср. костр. *шíма* 'нечистая сила, обитающая в доме' [ЛКТЭ]. Таким образом, прозвище приобретает негативные коннотации, выражается общественное осуждение молчаливого, нелюдимого поведения.

Мотивирующими по отношению к прозвищам молчаливых людей могут становиться наименования и других **черт характера человека**. Во-первых, с чертой молчаливости в народном сознании сопрягается идея медлительности человека, как в случае с архангельским прозвищем *Ню́хла*, которое соотносится с арх. *ню́хла* 'медлительный, вялый человек; тихоня' [КСГРС]. Во-вторых, в качестве мотивирующей может выступать лексика со значением неумелости: *Тю́па* (арх.): *Женщина была работающая да молчаливая. Сначала звали Стю́па, а потом Тю́па да Тю́па*, а также *Тю́па* (арх.) 'прозвище человека неповоротливого, молчаливого, толстого', ср. волог. *тjúпá* 'неловкий, неумелый человек': *Ой, тjúпá, она и тjúпá: робя́йт наносила, воспитывать не может* [КСГРС].

В качестве мотивирующих выступают глаголы со значением **неспециализированной деятельности человека**. Если прозвища болтливых людей были мотивированы глаголами со значением интенсивного действия, то здесь мы встречаем глаголы с семантикой медлительного действия, ср. *Тягúн* (волог.): *В этой деревне говорят нарассев, медленно от тянуть³*.

Прозвища молчаливых людей могут мотивироваться наименованиями тех или иных **предметов**. Прозвище *Суслóн* (волог.):

¹ Костр. *необрядный* 'неряшливый, неопрятный человек' [ЛКТЭ].

² Костр. *на́покость* 'назло, во вред' [ЛКТЭ].

³ Близкая образность обнаруживается в архангельском прозвище *Гу́ца*: *Говорит медленно или делает медленно*, однако в данном случае имеет место уже предметная семантика.

Дедушко Суслон идёт, большой такой, тихонький рисует целостный образ неповоротливого, замкнутого, молчаливого человека. С одной стороны, в мотивационном отношении, по-видимому, играет роль признак размера, а с другой стороны, признак положения – суслон обыкновенно стоит один.

К этой же группе можно отнести прозвища, мотивированные наименованиями **свойств тех или иных объектов действительности**. В качестве примера приведем прозвище *Суханка* (арх.), которое соотносится с общенар. *сухой* ‘сдержанный, холодной’, ср. контекст *Сухой он шыпко, молчит всё – так и зовут Суханка*. Однако отметим, что прилагательное *сухой*, будучи каритивом, в принципе обладает негативными коннотациями в культуре, о чем подробно писала С. М. Толстая [Толстая 2008: 53–67]. Отрицательные коннотации заложены и в прозвище (*Вёня*) *Тухлой* (костр.): *Тухлой, немного замкнутый, необщительный*.

Происхождение архангельского прозвища *Ваня Пóстный* можно объяснить также «каритивным» значением слова *постный*. Семантика *постного* в данном случае связывается с отсутствием необходимых коммуникативных навыков у человека, социальным неодобрением неразговорчивости, молчаливости, ср. контекст: *Он такой смирённый да тихомирный, всё Ваня Постный*¹.

Архангельское прозвище *Еф́им Ка́ша*, вероятно, в мотивационном отношении имеет признак невнятной речи², ср. контекст *Карявой был да тихой*.

Прозвища могут быть мотивированы наименованиями тех или иных **рыб и насекомых**. Если для наименований болтливых людей использовались образы птиц, которые отличаются громким голосом, то для обозначения молчаливых людей используется «немой» образ, ср. *Ка́рась* (арх.): *Толстый, тихой – я его Карасём зову*. Неприятные ощущения от общения с замкнутым, необщительным человеком передает прозвище *Оля*³ *Оса́* (арх.): *Оля-Оса на Ручью*,

незговорчивый, жалицца.

Если говорить о группе **мифологической лексики**, которая также выступала в качестве мотивирующей для обозначений болтливых людей, то здесь присутствует только одна номинация – *А́ндел* (арх.): *Тихонький, как ангелочек*. В данном случае отсутствуют негативные коннотации, которые имели место в прозвищах, о которых мы говорили ранее; здесь актуализируется лишь семантика тихости, смирности.

Заклучение

Таким образом, в данной статье были проанализированы диалектные прозвища много и быстро говорящих людей, а также, напротив, молчаливых и медленно говорящих людей. В поле внимания оказались основные мотивационные модели, по которым создаются данные прозвища. Были выделены группы лексики, которые выступают как производящие по отношению к прозвищам, отражающим признак болливости и молчаливости.

Безусловно, самой продуктивной стала группа лексики, называющая различные звуки. При этом, с одной стороны, обнаруживается объемная группа прозвищ, которые мотивированы словами с семантикой речи человека. С другой стороны, продуктивна модель, в рамках которой речь человека сопоставляется со звуками, издаваемыми животными и птицами (например, сорокой, вороной и т. д.) или с помощью тех или иных предметов (балалайка, трещотка, колокольчик и др.). Прозвища болтливых и молчаливых людей зачастую формируются на основе «портретного» принципа: с болливостью, например, может связываться бойкость, активность, а с молчаливостью – нелюдимость, медлительность, неумелость. На создание целостных образов болтливой и молчаливой человека «работает» и модель, в рамках которой функционируют прецедентные имена и образы (такие как, например, герои сказок или определенные профессии). Речь человека сопоставляется с определенными видами производственной и непроизводственной деятельности, при этом для передачи идеи болливости оказываются характерными наименования активных, повторяющихся действий, а для создания образа молчаливого и/или небыстро говорящего человека – медленных. «Предмет-

¹ Вероятно, также сыграл роль оним – название праздника *Ива́н Пóстный*, *Ива́н Пóстной* ‘день усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 августа / 11 сентября’ [РНК: 174–175].

² Так, например, о связи в языке варки каши и непонятной речи пишет Е. Л. Березович [Березович 2014: 318].

³ Деминутив к имени *Александр*.

ные» образы также отражают те или иные значимые характеристики активной речи или молчания, передается негативное от-

ношение к пустословию. Общеоценочный потенциал реализуется в «мифологической» модели наименования.

Источники

- Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. – СПб. : Наука, 2006. – 677 с.
- КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / [под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной]. – Киров : Коннетика ; Изд-во ВятГГУ ; Радуга-ПРЕСС, 2012–. – Вып. 1–.
- РНК – Атрошенко, О. В. Русский народный календарь / О. В. Атрошенко, Ю. А. Кривошапова, К. В. Осипова ; науч. ред. Е. Л. Березович. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. – 544 с. – (Настольные словари русского языка).
- СВГ – Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Л. Ю. Зориной, Т. Г. Паникаровской. – Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. – Т. 1–.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. – М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. – Вып. 1–.

Литература

- Аникин РЭС – Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. – М. : Рукописные памятники Древней Руси ; Знак ; Нестор-История, 2007–. – Вып. 1–.
- Березович, Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – 488 с.
- Березович, Е. Л. Этимологические заметки на полях экспедиционного блокнота: исконная русская лексика в говорах Терского Беломорья / Е. Л. Березович // Русский язык в научном освещении. – 2022. – № 1. – С. 182–205. – DOI: 10.31912/rjano-2022.1.6.
- Боброва, М. В. Материалы для словаря современных прозвищ жителей Пермского края / М. В. Боброва. – СПб. : Изд-во РХГА, 2020. – 195 с.
- Боброва, М. В. Соматизмы в современных прозвищах Пермского края / М. В. Боброва // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15, № 2. – С. 162–179. – DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.019.
- Верховых, Л. Н. Антропонимическое пространство сел Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Н. Верховых ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2008. – 20 с.
- Денисова, Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. Т. Денисова ; Смол. гос. ун-т. – Смоленск, 2007. – 22 с.
- Кюршунова, И. А. Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И. А. Кюршунова ; Вологод. гос. ун-т. – Петрозаводск, 2017. – 643 с.
- Кюршунова, И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. / И. А. Кюршунова. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2010. – 672 с.
- Макарова, А. А. Зооморфная модель в коллективных прозвищах жителей Русского Севера / А. А. Макарова, Ю. Б. Попова // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 30–46. – DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.002.
- Осипова, К. В. Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект / К. В. Осипова // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 87–109. – DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.1.005.
- Толстая, С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2008. – 528 с.
- ТСЛРЯ 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2007. – 1175 с.
- Шостка, Е. С. Прозвища Тамбовской области: языковой и социокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Шостка ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2009. – 22 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. – М. : Наука, 1974–. – Вып. 1–.

References

- Anikin, A. E. (2007–). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Iss. 1–. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, Znak, Nestor-Istoriya.
- Berezovich, E. L. (2014). *Russkaya leksika na obshchoslavlyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary in the General Slavic Context: Semantic and Motivational Reconstruction]. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. 488 p.
- Berezovich, E. L. (2022). Etimologicheskie zametki na polyakh ekspeditsionnogo bloknota: iskonnyaya russkaya leksika v govorakh Terskogo Belomor'ya [Etymological Notes in the Margin of an Expedition Notebook: Native Russian Vocabulary of the White Sea Tersky Coast]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1, pp. 182–205. DOI: 10.31912/rjano-2022.1.6.
- Bobrova, M. V. (2018). Somatizmy v sovremennykh prozvizhchakh Permskogo kraia [Somatisms in Modern Nicknames of the Perm Region]. In *Voprosy onomastiki*. Vol. 15. No. 2, pp. 162–179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.019.
- Bobrova, M. V. (2020). *Materialy dlya slovarya sovremennykh prozvizhch zhitelei Permskogo kraia* [Materials for a Dictionary of Modern Nicknames of Perm Krai Residents]. Saint Petersburg, Izd-vo RKhGA. 195 p.
- Denisova, T. T. (2007). *Prozvizhcha kak vid antroponimov i ikh funktsionirovanie v sovremennoi rechevoi kommunikatsii: na materiale prozvizhch Shumyachskogo i Ershichskogo raionov Smolenskoj oblasti* [Nicknames as a Type of Anthroponyms and Their Functioning in Modern Speech Communication: Based on the Material of Nicknames of the Shumyachsky and Ershichsky Districts of the Smolensk Region]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Smolensk. 22 p.
- Kyurshunova, I. A. (2010). *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvizhch i famil'nykh prozvanii Severo-Zapadnoi Rusi XV–XVII vv.* [Dictionary of Non-calendar Personal Names, Nicknames and Family Nicknames of North-Western Rus' in the XV–XVII Centuries]. Saint Petersburg, DMITRII BULANIN. 672 p.
- Kyurshunova, I. A. (2017). *Istoricheskaya antroponimiya Karelii v novykh paradigmakh lingvisticheskogo znaniya* [Historical Anthroponymy of Karelia in New Paradigms of Linguistic Knowledge]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Petrozavodsk. 643 p.
- Makarova, A. A., Popova, Yu. B. (2020). Zoomorfnyaya model' v kollektivnykh prozvizhchakh zhitelei Russkogo Severa [Zoomorphic Pattern in Collective Nicknames among the Residents of the Russian North]. In *Voprosy onomastiki*. Vol. 17. No. 1, pp. 30–46. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.002.
- Osipova, K. V. (2017). Dialektnye prozvizhcha Russkogo Severa, obrazovannye ot nazvanii pishchi: etnolingvisticheskii aspekt [North Russian Dialectal Nicknames Derived from Names of Food: An Ethnolinguistic Approach]. In *Voprosy onomastiki*. Vol. 14. No. 1, pp. 87–109. DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.1.005.
- Shostka, E. S. (2009). *Prozvizhcha Tambovskoi oblasti: yazykovo i sotsiokul'turnyi aspekt* [Nicknames of the Tambov Region: Linguistic and Sociocultural Aspects]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov. 22 p.
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2007). *Tolkovy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Information about the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik. 1175 p.
- Tolstaya, S. M. (2008). *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchoslavlyanskoj perspektive* [Word Space. Lexical Semantics in Common-Slavic Perspective]. Moscow, Indrik. 528 p.
- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund]. Vols. 1–. Moscow, Nauka.
- Verkhovyykh, L. N. (2008). *Antroponimicheskoe prostranstvo sel Abramovka Talovskogo raiona i Krasnoe Novokhoperskogo raiona Voronezhskoi oblasti* [Anthroponymic Space of the Abramovka Village, Talovsky District and Krasnoe Village, Novokhopersky District, Voronezh Region]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh. 20 p.

Данные об авторе

Малькова Яна Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).
Адрес: 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: yana-malkova@list.ru.

Author's information

Malkova Yana Vladimirovna – Candidate of Philology, Researcher in the Toponymic Laboratory of Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 15.07.2023; дата публикации: 31.10.2023

Date of receipt: 15.07.2023; date of publication: 31.10.2023